

---

уголовного процесса, то результат процесса признается ничтожным. Ошибка, допускаемая А.А. Давлетовым, кажется нам тем более необъяснимой, что сам он, говоря о нормативности принципов уголовно-процессуальной деятельности, подчеркивает, что они есть «те ее базовые, исходные положения, которые содержатся в уголовно-процессуальном законе и выступают в качестве нормативно закрепленных правил, требований, действующих в масштабах всего уголовного судопроизводства»<sup>1</sup>. По поводу масштабов действия принципов нами уже было высказано мнение. Основное же содержание приводимого высказывания подтверждает правильность нашей позиции по определению места понятия «принцип» среди других уголовно-процессуальных понятий.

<sup>1</sup> Давлетов А.А. Указ. соч. С. 99.

**В.В. Пономарева,**

*доктор юридических наук, профессор,  
начальник кафедры государственно-правовых  
дисциплин Сибирского юридического  
института ФСКН России,  
valery\_e378he@mail.ru*

**А.А. Брестер,**

*ассистент кафедры уголовного процесса  
Юридического института Сибирского  
федерального университета  
russ28@yandex.ru*

---

### **Соотношение метода уголовного процесса и метода правового регулирования уголовно- процессуального права**

Вопрос о методе уголовного процесса в науке до недавнего времени практически не ставился. С того момента как он был обозначен<sup>1</sup> и получил некоторую разработку, мы имели возможность убедиться, что такое новое понятие, как «метод уголовного процесса» достаточно тяжело для восприятия в научных дискуссиях, и мнение о его большом значении для организации уголовного процесса не всеми разделяется. Одним из камней преткновения явилось отождествление двух принципиально разных понятий — метода *правового регулирования уголовно-процессуального права* и метода *непосредственно уголовно-процессуальной деятельности*. Между тем речь идет о методах двух разных видов деятельности — у каждой свои цели, субъекты, средства. Понимание различной природы этих понятий и их взаимодействия позволит четче определить сущность отечественного

<sup>1</sup> См.: Брестер А.А. К вопросу о методе уголовного процесса // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сборник материалов XIII Международной науч.-практ. конф. (18–19 февраля 2010 г.) : в 3 ч. Ч. 2 / отв. ред. Д.Д. Невирко. Красноярск, 2010. С. 108–111.; Его же. Метод российского уголовного процесса, его значение для определения системы принципов // Правовая модернизация как фактор развития общества и государства : сборник статей студентов, аспирантов и молодых ученых / отв. ред. Э.А. Павельева, Т.Ю. Сидорова; Сибирский федеральный университет, Юридический институт. Красноярск, 2010. С.440–445.

уголовного процесса, обоснованно оценивать происходящие в его нормативном описании изменения и прогнозировать его развитие.

Вообще само словосочетание «метод уголовного процесса» или «метод уголовно-процессуальной деятельности» для научных текстов является большой редкостью.

Так, П.С. Элькинд использует термин «уголовно-процессуальный метод», вкладывая в него понятие именно метода правового регулирования<sup>1</sup>. В более близкой по времени работе А.В. Агутина используется словосочетание «метод уголовно-процессуальной деятельности»<sup>2</sup> и, казалось бы, речь должна идти именно о методе деятельности. Однако автор, объясняя, что он понимает под методом уголовно-процессуальной деятельности, указывает, что подразумевается императивный метод воздействия на уголовно-процессуальную деятельность, а как антоним императивному методу используется диспозитивность<sup>3</sup>. Таким образом, и в этой работе под методом уголовно-процессуальной деятельности понимается метод правового регулирования.

Такая подмена понятий, когда метод деятельности и метод правового регулирования отождествляют, конечно, имеет свое объяснение. Во-первых, термины очень похожи<sup>4</sup>, а во-вторых, между двумя этими понятиями, безусловно, есть связь, которая заключается в соотношении уголовного процесса и уголовно-процессуального права.

Когда мы говорим о правовом регулировании, мы говорим об оформлении правом тех или иных общественных отношений. Правовое регулирование призвано упорядочивать общественные отношения, обеспечивая реализацию позитивных интересов субъектов<sup>5</sup>. Оно есть «осуществляемое при помощи права и всей совокупности правовых средств юридическое воздействие на общественные отношения»<sup>6</sup>. Правовое регулирование — многоаспектное и многостадийное явление. Трудно назвать его единой деятельностью, т. к. на разных стадиях правового регулирования ставятся свои цели, включаются различные субъекты, появляются специфичные только для данной стадии средства.

Традиционно принято выделять три стадии правового регулирования: 1) регламентирование общественных отношений; 2) действие юридических норм, в результате которых возникают или изменяются правовые отношения (субъективные юридические права и обязанности конкретных лиц; 3) реализация субъективных юридических прав и обязанностей. При этом

<sup>1</sup> См.: Элькинд П.С. К вопросу о юридической природе советского уголовного процесса // Правоведение. 1958. № 2. С. 98.

<sup>2</sup> Агутин А.В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 34.

<sup>3</sup> См.: Там же. С. 181.

<sup>4</sup> Так, в ходе проведенного нами анкетирования следователей, дознавателей, прокуроров, судей и адвокатов около 30 % респондентов указали на то, что метод уголовного процесса они отождествляют именно с методом уголовно-процессуального права.

<sup>5</sup> См.: Теория государства и права: курс лекций / под ред Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2000. С. 725.

<sup>6</sup> Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 5.

мы разделяем существующие в науке сомнения по поводу отнесения указанного в третьем пункте к стадиям правового регулирования и склонны согласиться, что «действия такого рода находятся за пределами правового регулирования. Задача же правового регулирования ограничивается снабжением механизма действия права регулирующими средствами поведения, совокупность которых образует механизм правового регулирования»<sup>1</sup>.

Думается, что наиболее общую цель правового регулирования можно обозначить как оптимальное упорядочение общественных отношений с помощью права, чтобы его субъекты могли удовлетворять свои законные интересы.

Таким образом, субъектами, осуществляющими правовое регулирование, в первую очередь будут те, кто наделен полномочиями заниматься правотворческой деятельностью, созданием норм права — это соответствует первой стадии правового регулирования. Именно они должны обеспечить своевременное, адекватное развитию общественных отношений в той или иной сфере появление правовых норм, которые эти самые отношения упорядочат. И именно они выбирают (фиксируют) тот самый метод правового регулирования — способ воздействия юридических норм, «совокупность своеобразных приемов юридического воздействия, их сочетание, характеризующее использование применительно к регулируемым отношениям специфического “набора” юридических средств»<sup>2</sup>.

От того, какой метод правового регулирования будет избран, зависит содержание и системность норм, регулирующих ту или иную отрасль права. Характер норм должен соответствовать избранному методу, в противном случае они могут понизить эффективность правового регулирования или вообще свести его на нет.

Уголовно-процессуальная деятельность — безусловно, деятельность в рамках права. Но сама по себе это другая деятельность. Это то, что регулируется правом. Для правового регулирования эта деятельность — объект упорядочивания.

Когда мы говорим о методе уголовного процесса, мы говорим о методе для тех, кто его осуществляет — следователя, дознавателя, судьи. Они субъекты этой деятельности. Это уровень претворения норм права в жизнь.

У уголовно-процессуальной деятельности, уже отрегулированной нормами права, свои цели — достоверное установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, защита материальных и процессуальных прав участников процесса.

Если представить, что метод уголовного процесса и метод правового регулирования уголовно-процессуального права — одно и то же, то получается, что достичь обозначенных целей процесса можно путем императивного, в частности, метода, который подразумевает субординацию, категоричный порядок возникновения конкретных прав и обязанностей субъектов и т. п. Какими правилами снабжает этот метод, например, следователя, чтобы тот установил все обстоятельства, подлежащие доказыванию? Даже если сказать,

<sup>1</sup> Элементарные начала теории права: учеб. пособие для вузов / под общей ред. В.И. Червонюка. М., 2003. С. 110–111.

<sup>2</sup> Там же. С. 103.

что императивный метод подразумевает жесткое следование закону (хотя это не совсем корректно, но в целях статьи позволим себе такую вольность), то это не поможет следователю выбрать следственное действие, организовать мыслительный процесс и т. п. Метод правового регулирования — это метод для тех, кто право создает. Для тех, кто его реализует, такой метод может стать лишь наводкой на правильное толкование норм права, но он не содержит того, что позволяет непосредственно осуществлять процессуальную деятельность. Итак, метод уголовно-процессуального регулирования — понятие другого уровня, неприменимое к конкретной деятельности субъектов уголовного процесса.

Понимание метода уголовного процесса как принципиально иного понятия, нежели метод уголовно-процессуального регулирования, редко, но встречалось в уголовно-процессуальной литературе. Однако можно констатировать, что относительно метода именно уголовного процесса есть лишь небольшие, по большей части интуитивные суждения. Термин вводится, но почему именно это метод и метод ли вообще, что влечет за собой введение понятия метода уголовного процесса, каково содержание этого понятия — не раскрывается.

Так, Н.Г. Стойко в одной из своих работ пишет о «следственном методе», который выражается во всесторонности, полноте и объективности, и о состязательном методе, противопоставляя его следственному. Причем метод используется им как один из критериев разграничения уголовных процессов разных стран, т. е. то, что выражает сущность процесса<sup>1</sup>.

В одной из более ранних работ криминалистической направленности встречаем также понимание всесторонности, полноты и объективности как основного метода исследования в уголовном процессе<sup>2</sup>.

В качестве одного из трех основных компонентов уголовно-процессуальной деятельности наряду с формой и целью (целеполаганием) А.А. Давлетов называет метод уголовного процесса, именуя его образно «двигателем уголовного процесса»<sup>3</sup>.

При разработке понятия метода уголовного процесса мы исходили из следующего.

Во-первых, уголовный процесс по сути определен нами как познавательная деятельность в силу стержневого, центрального положения доказывания. Безусловно, в рамках уголовного процесса мы можем встретиться с процедурами, где доказывания нет вообще. Однако их очень немного, и все они — либо в обеспечение доказывания (продление сроков, рассмотрение ходатайств, привлечение в качестве обвиняемого и т. п.), либо по поводу него (кассационное рассмотрение дел, деятельность в надзорной инстанции и т. п.).

<sup>1</sup> См.: Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. СПб., 2006. С. 102–103.

<sup>2</sup> См.: Бурданова В.С. Криминалистические проблемы обеспечения всесторонности, полноты и объективности расследования преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 8.

<sup>3</sup> Давлетов А.А. Принципы уголовно-процессуальной деятельности // Правоведение. 2008. № 2. С. 99.

Во-вторых, у уголовного процесса, как и у любой деятельности, есть свой метод, и он обусловлен целью деятельности, которую мы обозначили выше. Метод уголовного процесса отвечает на вопрос: как должен вести познавательную деятельность дознаватель, следователь, судья, чтобы получить достоверную, непротиворечивую картину произошедшего?

В философии, в самом общем виде метод понимается как «система правил (требований), сформулированных на основе знания закономерностей исследуемой области действительности и ориентирующих человека в его познавательной деятельности»<sup>1</sup>.

В целом с указанным определением мы согласны. Однако оно, на наш взгляд, скрывает собственное содержание метода за системой принципов-требований, его выражающих. Почему именно та или иная система принципов составляет содержание конкретного метода? Ответ на этот вопрос крайне важен с учетом специфики понимания принципа в процессуальных отраслях права<sup>2</sup>.

Метод есть нечто объединяющее принципы, требования к деятельности. Т. е. содержание метода прослеживается в каждом принципе, из чего можно сделать вывод, что метод есть основа той или иной системы принципов. Принципы выражают содержание того или иного метода, являются частным случаем его проявления. Если это так, то принцип должен быть связан с методом непосредственно, это ближайший к нему элемент деятельности. Все, что напрямую с методом связать нельзя, — иные частные правила, требования и т. п., порожденные тем или иным принципом, но не методом напрямую. Значит, метод, в свою очередь, — это максимально общее требование к принципам, общее для них положение, которое может действовать и непосредственно в том случае, если принципом не урегулирована та или иная область деятельности.

Исходя из вышесказанного и с учетом философского понимания метода, можно указать, что метод уголовного процесса — основа системы его принципов, выполняющий также роль самостоятельного требования к субъектам уголовно-процессуальной деятельности (в тех случаях, когда не сформулирован тот или иной принцип) на всех стадиях уголовного процесса, где осуществляется доказывание, без выполнения которого невозможно достижение познавательной цели уголовного процесса.

Метод — центральный, ключевой элемент деятельности. В уголовном процессе от его понимания будет зависеть не только система принципов уголовного процесса, но и положение его субъектов в целом и по отношению друг к другу, организация доказательственного процесса и многое другое. В рамках правового регулирования как раз и нужно учитывать метод, присущий уголовно-процессуальной деятельности, чтобы обеспечить нормами права возможность его выполнения.

Не вдаваясь в подробности, укажем, что в качестве метода уголовного процесса мы рассматриваем объективное, всестороннее и полное

<sup>1</sup> Шентулин А.П. Диалектический метод познания. М., 1983. С. 10.

<sup>2</sup> О специфике понятия «принцип» в уголовном процессе см., например, Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление СПб., 2005. С. 29–36.

исследование<sup>1</sup>, являющееся основой диалектического метода познавательной деятельности. Указывая на центральную роль метода в построении деятельности, можно отметить, что то, что мешает реализоваться объективности, всесторонности и полноте, должно из уголовно-процессуального закона уйти. И наоборот, все, чего не хватает для реализации метода, должно появиться.

Сказанное позволяет следующим образом решить вопрос о соотношении двух рассматриваемых нами понятий. Правовое регулирование уголовного процесса — фиксация его формы посредством права<sup>2</sup>. Оно же является и процессом создания его формы, т. к. при заложении в право того главного, что должно быть реализовано, создаются и остальные элементы формы, обеспечивающие главное.

Деятельность становится уголовно-процессуальной в современном смысле тогда, когда она оформлена правом. Методом такого «оформления», регулирования будет определенный набор средств, который соответствует тому, что регулируют. Иначе говоря, в терминологии теории государства и права метод правового регулирования обусловлен его предметом. И часть этого предмета — тот способ, которым можно достичь цели уголовного процесса.

Получается, что метод деятельности, являющийся основой содержания, и метод правового регулирования, являющийся основой правового оформления процесса, должны соответствовать друг другу. Метод правового регулирования не должен противоречить методу деятельности. Но все же это принципиально разные понятия. Если при помощи одного мы создаем необходимую правовую оболочку и корректируем ее, то при помощи другого осуществляем деятельность в рамках этой правовой оболочки.

<sup>1</sup> Особый статус объективности, всесторонности и полноты подчеркивался с тех пор, как только эти термины получили оформление и были наполнены более или менее четким содержанием. В труде «Теория доказательств в советском уголовном процессе» объективности, всесторонности и полноте придается статус основы доказывания. Указывается, что есть два принципа, которые охватывают институты и нормы всего процессуального права: принцип законности и принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела. Их содержание и значение раскрываются в других, более конкретных принципах уголовного процесса. И если учитывать, что законность авторы в данном случае понимают как общеправовой принцип, то первым среди процессуальных принципов выступает именно объективность, всесторонность и полнота. Со ссылкой на работы М.А. Чельцова и других ученых авторы констатируют, что указанный принцип находит выражение во всех институтах доказательственного права. См. Теория доказательств в советском уголовном процессе /отв. ред. Н.В. Жогин. М., 1967. С. 327–328. Из современных авторов можно выделить А.С. Барабаша, в работах которого всесторонности, полноте и объективности отводится ведущая роль в организации уголовно-процессуальной деятельности. Автор считает, что этот принцип является основным познавательным принципом, выражающим суть публичного начала уголовного процесса. См.: *Барабаш А.С.* Публичное начало российского уголовного процесса. СПб., 2009., С. 92; *Бурданова В.С.* Поиски истины в уголовном процессе. СПб., 2003. С. 26; *Путерцев С.К.* Новый взгляд на роль категорий всесторонности, полноты и объективности в управлении расследованием преступлений // Правоведение. 2002. № 3. С. 172–178 и др.

<sup>2</sup> См. подробнее Лось С.Л. Назначение правового регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного процесса // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей. Ч. 51. Томск, 2011. С. 26–27.